

18+

Константин Негода

Предопределение Рождение

Константин Негода

Предопределение. Рождение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69609727

ISBN 9785006054479

Аннотация

В книге автор в поэтической форме рассказывает о своем рождении как писателя. Для этого он создает себе виртуального помощника, и встречается с Прустом, Джойсом, Кафкой и Вирджинией Вулф.

Предопределение. Рождение Константин Негода

© Константин Негода, 2023

ISBN 978-5-0060-5447-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Необязательное введение

Ни для кого не секрет, что введение пишется в последнюю очередь, иначе как можно предварить то, чего еще нет. Вот уже разобраны строительные леса, на которых работал автор, и спрятаны все вспомогательные подпорки. Читатель не должен это видеть, не нужно проверять на прочность его эстетическое чувство.

Такой порядок вещей напоминает уловки Бога, Который будучи над временем, представляется временным, одной с нами природы. Ему известно все. А от нас будущее скрыто. Мы даже стали забывать свое прошлое. И на главный вопрос: «есть ли Он?», отвечаем надеждой дерзновения. Этого обычно бывает достаточно, чтобы уменьшить силу экзистенциального давления.

Читателю нужна качественная симуляция реальности. События на страницах книги текут произвольно, из прошлого в будущее. Автор уподобляется Творцу, сначала когда вынашивает идею, а потом, когда ведет читателя через историю, делая вид, будто и не было никакой задумки, будто все это лишь естественное развитие внутренних побуждений.

Литературная механика является полезным инструментом, но только едва ли она имеет какое-нибудь отношение к реальной жизни.

И чтобы закончить эту вводную часть, представим, что мы опоздали в кинотеатр на четверть часа. На экране какие-то люди, что-то делают, но мы пока не можем понять их логику. Нам приходится пробираться через густой лес вопросительных знаков. В этот момент все в фильме становится единственным, неповторимым, принципиально важным. Ничего не значащие детали щетинятся множеством смыслов. Жизнь на экране обретает многоплановость и сверкает всеми цветами радуги. Предугадать сюжет невозможно. Он может развиваться как угодно. Это реальность, созданная исключительно нашим воображением. Мы с гордостью можем почувствовать себя соавторами режиссера. Правда, ненадолго, так как скоро начинаем догонять правильных зрителей. Потом наступает покой, и мы уже с головой погружаемся в повествовательный поток. Фильм становится скучным. Но эти первые минуты нам запомнятся надолго. На сомнительный фильм всегда следует приходиться с некоторым опозданием. А еще

лучше и уходить с него незадолго до конца.

Крис

«Все истории когда-то заканчиваются» – хорошее начало для книги. Эта фраза у меня родилась после... В начале девяностых мать уехала работать на север. Сначала мы переписывались, но потом связь прервалась. Отец был уверен, что она потеряла память, и ходит теперь где-то по посадкам, вдоль железных дорог. Но все оказалось проще. Память была на месте, просто мать решила радикально перезагрузить свою жизнь. Прошли годы, и мы узнали, что она умерла. Эта история закончилась. И неожиданно для себя я пережил не только боль, но и облегчение.

Я давно собираюсь написать роман, но никак не могу собраться, не могу настроиться. Идей хватает только на социальные сети. Многие писатели начинали с биографий. Это нормально, главное не застрять на этом мытарстве.

От прошлого не отделаешься, если оставить все как есть. Эти залежи нужно переработать. Нефть, газ, уголь, все должно гореть. Память нельзя уничтожить, ее можно только освоить.

После первого черновика, у меня появилось несколько удачных эпизодов, которые обязательно войдут в эту историю. Все остальное оказалось вспомогательным материалом. Нужно было решать, как их соединить между собой. И пока думал, писал главу, полностью посвященную воспоминаниям из детства. Я тогда каждое утро приходил в библиотеку,

поднимался на четвертый этаж, раскладывал вещи и начинал писать. За эти дни, по теням, которые проползали через стол, тетрадь и мои руки, я научился точно определять время. И когда глава была готова, решил, что библиотека тоже должна стать участником описываемых событий.

Материал накапливается, а я до сих пор до конца не понимаю о чем эта история.

Сижу, рассматриваю свои часы-скелетоны. Здесь все понятно. Здесь виден скрытый механизм, толкающий стрелку. Мне бы такую ясность.

– Но у тебя же нет никаких скелетонов, – смеется Крис.

– Почему ты раньше времени выходишь на сцену? – возмущаюсь я.

– А ты все играешь. Делает вид, что меня еще нет.

– Крис, тебе идея с часами понравилась? – перевожу разговор на другую тему.

– Конечно.

– Прозрачный корпус наводит на мысль, что точно так можно воспроизвести и писательский труд. Пригласить читателя в святая святых, в закулисы, и пройти с ним вместе, от начала до конца.

– Ладно, я исчезаю. Буду ждать, пока ты введешь меня в историю официально.

И вот я опять один. Это священное время. Самое главное в жизни всегда происходит в тишине. Плод в материнской утробе растет, под равномерные удары сердца... не было бы

читателей, и писать было бы проще. А эти отцы-олимпийцы, закрыли собой все шансы. Я – плоть, зажатая в тисках беспощадной критики и невыгодных сравнений.

Как-то представлял, что иду по городу, вокруг люди, и я знаю точно, что все они ненастоящие, всего лишь копии из тонких оболочек. И если такого человека толкнуть, то он расколется как сахарная корка. Мне казалось, что только в таком мире я могу быть по-настоящему свободным. Печальные фантазии. Они своим пышным цветом увенчивали мою неустроенность.

Одиночество для молодости – серьезный вызов. Но с возрастом оно открывается новой гранью. Это уединение. Ты принимаешь свою изоляцию, а она, в благодарность за терпение щедро одаривает идеями, которые могут родиться только в тишине.

Но улов, захваченный в сети, трудно переработать самостоятельно. Неплохо бы с кем-то его разделить. И тут понимаешь, что желающих поучаствовать в твоих делах не так уж и много. А мне нужен собеседник, который бы являлся по первому щелчку.

– Женщина должна быть как луна, вечером восходит, а утром заходит, – смеется Крис и растворяется в Чеширском реверансе.

Пора приступать к акту творения. Мне нужен помощник. Убираю стол и разворачиваю лист ватмана. Это будет вместилище, на котором воплотятся все мои задумки. Делаю

глубокий вдох, на мгновение задерживаю дыхание, и все это пространство небытия заливается молоком праматерии. Каркас готов. Провожу углем горизонтальную линию. Появляется подобие структуры. Есть верх и низ. В этот момент рука дрогнула, и из пера на снежную белизну нового мира капнуло чернило. Я не верю своим глазам, неужели навсегда испорчен план построить совершенную геометрию. Но останавливаться нельзя, пусть все идет своим чередом. Клякса-недоразумение зияет своим контрастом и выразительностью.

– А ты ничего, похожа на каракатицу.

Я слегка толкаю стол, капля вздрогнула и начала собираться. В следующий момент передо мной появилась фигурка. Это маленький человечек. Вполне симпатичный. Вот он осматривается, потягивается и идет вдоль линии.

– Что ты там ищешь?

– Хочу узнать, где заканчивается дорога, – отвечает новое творение.

Я беру резинку и чуть дальше, чтобы он не видел, стираю часть угольного следа. Потом понимаю, что здесь его ничего не ждет, а ведь он наверняка на что-то надеется. Нет, так не годится, и начинаю быстро рисовать деревья, кусты, холм, речку. Для начала хватит. Человечек подходит к проходу, заглядывает. Я тихонько отодвигаюсь, чтобы не мешать первопроходцу, пусть осваивается.

Я назову тебя Крис. Ты будешь моим литературным ан-

гелом-хранителем. Я буду делиться с тобой самым сокровенным. Мы будем обсуждать все, что встретится на нашем пути. У тебя по любому вопросу всегда будет свое мнение. И еще, ты будешь следить за тем, чтобы мы не останавливались. Так гляди, и доберемся до цели.

– Привет Крис!

– Привет Константин!

– Как ты себя чувствуешь?

– Как новорожденная! – смеется Крис.

Скелет в шкафу

Бывают дни, когда все твои чакры раскрыты, и в это благословенное время пишешь взахлеб. Но потом, от этого куража наступает похмелье, и онемевшая мысль уже ничего не можешь сказать этому миру.

– Ты всегда начинаешь раскачку с общих рассуждений? – спрашивает Крис.

– Вдохновение, как и аппетит, всегда приходит в процессе.

– Чехов советовал из черновиков безжалостно убирать начало и конец.

– Это и понятно. Вначале ты только набираешь обороты, и поэтому текст еще слабый. А в конце разгоняешься и начинаешь разжевывать очевидное...

– Забирая, таким образом, у читателя возможность самостоятельно поразмышлять, – продолжает Крис.

– Ты знаешь мои мысли?

– Я о тебе знаю все, – улыбнулась Крис.

– Все, все?

– Все, все.

– И как тебе?

– Да ничего особенного. Люди, как всегда, склонны преувеличивать свою уникальность.

Моя новая литературная подруга начинает мне нравиться. С такой не соскучишься.

– Смотри, не перехвали.

– Думаю это невозможно!

– Вижу, как на кончике пера рождается мысль. Давай, рассказывай! – сказала Крис.

Чувствую себя как в рентген-кабинете, прозрачным до мозга костей.

– У каждого из нас есть шкаф, в котором спрятан скелет. Но мы с удивительной настойчивостью отказываемся это признать, – начал я.

– Интересно, как люди представляют себе шкаф, в котором хранится их тайна? – спросила Крис.

– Я всегда представляю шкаф, который стоял у бабушки в зале. Пока она была жива, жил и шкаф. Он был как хозяин в доме. В нем хранилось самое ценное: старые вещи, фотографии, материя и деньги на похороны. Это было немного смешно, так как никто не предполагал, что бабушка умрет неожиданно и быстро. После смерти ее дом стал для нас чужим. Мы иногда заходили, но делали это быстро, по какой-то

крайней необходимости. В пустом зале шкаф прятался от нас в угол, сжимался и опускал глаза. Ему было стыдно за то, что все так бесславно закончилось. Но еще совсем недавно здесь кипела жизнь. В русской печи пеклись паски, а мы на лежанке читали вслух «Робинзона Крузо». Перед большими церковными праздниками к бабушке приезжали подруги, чтобы с утра пойти на службу. Вечером они рассаживались в зале, и пели псалмы из общей тетради. На окнах в тарелках застывал холодец и кисель. А если готовились вареники, то обязательно в большой миске. Они плавали в сливочном масле... и базис, которым описывался в это мгновение мир, достигал максимальной гармонии. Его ортогональные и нормированные оси воплощали в себе божественную полноту...

– Ты начал про скелеты, а закончил воспоминаниями, – перебила Крис.

– Дернул за одну веревочку, а дверца открылась не та.

– Хорошо, что в бачке для унитаза все однозначно, – смеется Крис.

– Странный у тебя юмор, – заметил я, и, не останавливаясь, продолжил:

– У каждого есть шкаф, в котором спрятан скелет. Нам хочется от него избавиться. И если бы случилось, что он сбежал, чтобы мы почувствовали? Облегчение? Но ведь когда-то мы с ним были одним целым. Он – это же я, только в прошлом, которого просто не могу принять.

– Попытайся посмотреть на мир глазами скелетов – пред-

ложила Крис.

– Это интересно! Возможно, мы для них тоже являемся скелетами, от которых они тоже хотят избавиться.

– А ты уверен, что кто-то хочет от кого-то избавиться?

– Ты хочешь сказать, что для равновесия нужен противовес?

– Я ничего не говорила.

– Да, ты ничего не говорила, – повторил я. Потом немного подумал и добавил, – а с кем я вообще сейчас разговариваю?

– Со мной, – удивилась Крис.

– С тобой. Но где ты? Где? Тебя нет. Ты вымысел. Боже, неужели я сошел с ума. Неужели я разговариваю сам с собой. Раньше, когда видел таких, был уверен, со мной такое никогда не случится. Разговаривать с самим собой...

– Это как играть с собой в шахматы...

– Это как пить с зеркалом...

– В детстве весь мир снаружи, – продолжал я. – А потом, с каждым годом, ты все чаще и чаще прячешься в свои воспоминания.

– И как можно во всем этом разобраться, если не поделишься с кем-то жизненным опытом? – спросила Крис.

– Ты хочешь сказать, что без тебя я никак не обойдусь?

– Обойдешься, но зачем головой бить стену, когда у тебя в руках золотой ключик...

– Крис, перестань, – подумал я. – А ведь так люди и сходят с ума. Все начинается с маленьких шажков, с каких-то

уступок, незначительных особенностей, которые потом перерастают в очевидные странности. То, что раньше было едва уловимо, теперь проявляется с четкостью фотографического снимка. Ты утверждаешься в этом новом мире. Ты выворачиваешься наизнанку, и то, что было внутри, становится снаружи. А то, что было снаружи, сжимается до размеров души.

– Ты только что говорил, что с возрастом человек закрывается в скорлупу своих воспоминаний.

– Ну.

– Мне кажется, что воспоминания стоят стеной между этими мирами, внутренним и внешним.

– И что с этим делать? – спросил я.

– А тебе не показалось, – вопросом на вопрос ответила Крис, – что твои рассуждения о начинающемся психическом расстройстве похожи на творческий процесс?

– Конечно, показалось. Все происходит по той же схеме. С начала какие-то размытые силуэты...

– Как говорил апостол Павел, как бы через тусклое стекло, гадательно...

– Да! А потом резкость наводится, появляется ясность и внутренняя логика.

– Мы допишем эту историю. А за одно и порядок наведем в твоих архивах, – смеется Крис.

Я благодарен, что у меня появился такой интересный собеседник. Но мысль, что это всего лишь нездоровье, меня

не отпускает.

– Когда-то смотрел фильм. Там основные события происходили в гаражах, которые затерялись на окраинах города. Я уже не помню сюжет, запомнилось послевкусие. Я представил себя в компании этих бесстрашных и хочу, чтобы время остановилось, чтобы оно замкнулось само на себя. Чтобы фильм, в котором главный герой теперь я, не заканчивался. Я хочу вечно бороться за свое место под солнцем. И конечно самая красивая девушка достанется победителю. Мне не нужно ничего другого, мир фильма является для меня совершенной формой, в которой воплотились мои мечты. Но проходит время, я успокаиваюсь и думаю, как хорошо что у меня нет возможности принимать такие судьбоносные решения. Только представь, ты добровольно заточаешь себя в картину навечно.

– К чему ты это ведешь? – спросила Крис.

– К тому, что подобные рассуждения можно приложить и к вопросу о смерти.

– В каком смысле?

– Например, я не хочу умирать, хочу, чтобы земная жизнь длилась вечно. Но если окажется, что после смерти жизнь все-таки не заканчивается, то пойму, вечно жить на земле в прежней форме далеко не лучший вариант.

– Ты только что сравнил заведомо несравнимые понятия, божественную вечность и заикленную саму на себя земную жизнь, полную страданий, – сказала Крис.

– А что я еще могу сравнить?

– Ну, например, чтобы ты выбрал, земную вечность, или прожить один раз обычную жизнь, и исчезнуть навсегда?

– Конечно, есть большой соблазн протянуть свою плоть через вечность. Но мне кажется, что это закончится глубоким разочарованием. Жизнь потеряет что-то самое главное, и перестанет быть жизнью.

– И во что она превратится? – уточняет Крис.

– Наверное, в какое-то подобие ада.

– Получается, что атеистический сценарий в этом случае не так уж и плох. Хоть немного, но все-таки пожил.

– Крис, как ты думаешь, у жизни есть альтернатива?

– Конечно, – не задумываясь, ответила она.

– И что это?

– Это творчество, которое разворачивается как свиток, и на котором написано твое настоящее имя.

Рукописи не горят

– Крис, ты знаешь, я как-то подметил, что любому своему начинанию могу найти обоснование в прошлом.

– Это естественно, просто так с неба ничего не падает, всему предшествует предуготовительный период, – согласилась Крис, и добавила, – расскажи, как ты начал писать.

– Десять лет я вел рабочий дневник.

– А ты это сейчас рассказываешь всезнающей мне или воображаемому читателю? – смеется Крис.

– Себе.

– Да ладно, шучу, – начала оправдываться Крис. – Я же прекрасно понимаю, что в тексте должна быть логика и причинно-следственные связи.

– И не надейся. Текст как слепок, точно передает беспорядок в моей голове.

– В наших.

– А она у тебя есть?

– Нет, я программа в чистом виде, – серьезно ответила Крис.

– Понимаю. В мире идей сильно деятельность не развернешь.

– Мир идей – это совершеннейшая пустота. И если махать там самурайским мечом, то он не встретит никакого сопротивления – сказала Крис. – Но меч нужен для боя!

– Получается, что я, в каком-то смысле, являюсь здесь твоим аватаром.

– А я твоим.

– Мы, как будто стоим по разные стороны зеркала. Смотрим в глаза и хотим друг другу помочь.

– Мне так нравится сцена на канате, – начала Крис. – Вы там с Анной такие...

– Давай не будем забегать вперед раньше времени.

– Но ведь ты же сам решил нарушать правила, – заключила Крис.

Потом рассмеялась и добавила, – книга-скелетон пишется!

– Если ты не возражаешь, я продолжу рассказ о дневниках.

– Я уже слышу запахи костров.

– Ты настоящая сорока. Молодец. Говори... мне это помогает двигаться вперед. А теперь к нашим овнам. За десять лет я привык ежедневно открывать дневник, брать ручку и фиксировать события. Потом я начал записывать свои переживания. Мне тогда казалось, что это уже настоящий дневник. Может не такой как у писателей, но все-таки я сделал попытку обуздать время. Записи накапливались, и груз прошлой жизни становился неподъемным. Душа требовала освобождения. И вот в один прекрасный вечер я вынес все свои записи во двор и устроил ритуальное кострище. Плотные сжатые листы отсыревшей бумаги горели плохо, приходилось огню помогать, и я тормозил страницы. В это время я читал попадавшиеся на глаза фрагменты, освещенные собственным светом.

– Тебе было их жалко?

– Мне было жалко себя. Жизнь, как проект, потерпела полный крах. Казалось, я лежу на самом дне. Что-то подобное происходит в духовной жизни. Дорога к свободе начинается с полного отречения, хотя бы с попытки...

– Между духовной жизнью и писательским трудом много общего, – заметила Крис.

– Да, – согласился я.

– Сиди в келии, она тебя всему научит.

– Труд и молитва, два крыла монаха.

– Не сотвори себе кумира.

– Крис, это ты к чему?

– На тебя давят авторитеты. А ты на них не смотри, они свою чашу испили, а ты пей свою.

– Как Петру говорил Христос, что тебе до того, ты иди за Мной.

– Это точно. Пиши себе и довольно с тебя.

– Крис, иногда с тобой и не поспоришь...

Обретенное время

– Крис, что ты делаешь, когда не знаешь о чем писать?

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Ну, какой-нибудь технический совет.

– Например? – продолжала уклоняться Крис.

– Например, совершить какую-нибудь определенную последовательность действий, и на выходе получить ожидаемый результат.

– Какой результат ты ожидаешь?

– Определиться с темой, которую хочешь раскрыть, или настроиться на творческую волну.

– А как ты раньше решал такие вопросы?

– Ясность и вдохновение – гости редкие, поэтому приходится начинать на холостых, потом разгоняешься и все становится на свои места, резкость наводится...

– ... появляется ясность и вдохновение. Я тебя правильно поняла?

– Конечно.

– Вот и ответ на твой вопрос, – улыбнулась Крис. А потом добавила, – можно конечно достать свои старые черновики, в них тоже можно найти что-нибудь бодрящее.

Эту историю я начал писать на литературном марафоне, который ежегодно проходит в ноябре. К тексту никаких условий не предъявляется, главное за месяц написать установленную норму. Организаторы утверждают, что высокий темп потянет за собой и качество текста. И я начал писать не понимая о чем будет эта история. Начал с того, что хочу написать роман. Потом уперся лбом в глухую стену. После этого родилась Крис.

– Но это тебе так только кажется. Поверь, мой возраст гораздо внушительнее.

– Миллионы?

– Миллиарды, – усмехнулась Крис.

– Обычно женщины скрывают свой возраст в меньшую сторону.

– Но я же необычная!

– Это точно.

– Извини, я тебя отвлекла, продолжай.

После того, как родилась Крис, мы с ней проговорили все, что уже было написано на тот момент. Но после этого сюжет опять остановился. Опять нужно было что-то придумывать.

– Видишь, чем отличается книга от реальной жизни, – сказала Крис. – В истории сюжет должен развиваться, а в жиз-

ни, необязательно. Человек, который ее проживает, вполне может с этим смириться, а вот читатель – никогда.

– Если конечно под эту обложку не заложить мину замедленного действия.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, это когда история позже осмыслится коллективно.

– И потом всех разорвет! – рассмеялась Крис.

Я придумал свои встречи с писателями. Потом родилось еще несколько персонажей, но они оказались нежизнеспособными. Они помогли мне добраться до финиша, в этом и была их задача. Марафон был пройден. На выходе у меня был черновик, в котором иногда попадались неплохие мысли, и несколько сюжетных идей. Казалось бы, неплохой улов. Но сколько на него было потрачено времени.

– Ты знаешь, мне кажется, что это именно то, небольшое время, которое ты по-настоящему обрел.

– Тогда получается, что вся моя предыдущая жизнь – земля бесплодная?

– Ни в коем случае! – возразила Крис. – Твоя жизнь – детоводитель к прозрениям. Ты еще не представляешь, к каким сокровищам тебе предстоит прикоснуться. Но помни, что и цена за это высокая.

– Возможно жизнь?

– Все возможно...

Горизонтальное бессмертие

– Творчеством жизнь не заменишь, – начала Крис.

– Но и без него жизнь похожа на дождевого червя, который всегда ползет только вперед и все на что он способен, это отличать день от ночи.

– Мне иногда кажется, – продолжала Крис, – что биологическая жизнь похожа на слепое умножение. Клетки без конца друг друга дублируют.

– Кантовская бесконечность.

– Да, что-то масштабное и примитивное.

– Вино в бочке бродит и ждет своего винодела.

– А ветви растут в разные стороны, ждут садовника, когда он придет и наведет порядок.

– Да, но кто этот винодел и садовник? – спросил я.

– Смотря, в каком смысле. Если в глобальном, то это конечно Автор, создатель всего этого проекта. А если в локальном, то это наш интеллект.

– И что это значит?

– Общие законы прописаны Автором и носят догматический характер. А частная жизнь допускает свободу и выбор.

– Я что-то не могу понять, к чему ты все это клонишь?

– Смотри, – начала объяснять Крис, – вот Инь, а вот Янь.

– Ну.

– Они создают поле, в котором зарождается жизнь.

– Ты хочешь сказать, что эти Инь и Янь создают перепад высоты, и ровное течение реки превращается в водопад?

– Можно и так сказать, – согласилась Крис. Потом на мгновение задумалась и продолжала, – есть материя, ко-

торая раздувается как дрожжевое тесто, и есть интеллект, острый как хирургический скальпель.

– И они нуждаются друг в друге, – продолжил я.

– Что они друг без друга? Это даже страшно представить. Вселенная превращается в огромный кусок мяса. А где-то в параллельных мирах мечется беспомощный дух, и задыхается от своих идей, которые не могут реализоваться.

– Овцам нужен пастух, а пастуху овцы!

– Львам нужен дрессировщик, а дрессировщику львы, чтобы цирк состоялся, – продолжила Крис.

– Это уже не корректное сравнение. Все-таки в нашей культуре львы в дрессировщиках не нуждаются.

– Ладно, – согласилась Крис, – перезагружу некоторые свои файлы, чтобы быть для тебя убедительней.

– Я все понял. Мир, в котором нет умного начала, и это начало без физического мира, как птица без крыльев.

– Совершенно верно. Чтобы летать, нужны два крыла.

– Здесь не поспоришь.

– В физическом мире, если он не осознается, нет никакого смысла. А идеи, которые не могут воплотиться, или быть кем-то восприняты, такие же беспомощные, как блики на воде.

– Воплотившаяся идея получает возможность отделиться от себя самой и увидеть себя со стороны. И если все получилось, то можно повторить за Создателем: «это хорошо».

– Все это очевидные истины, – неожиданно сменила тон

Крис.

– Ну, да – согласился я.

– Но тогда ты хочешь спросить, зачем я развели весь этот разговор?

– Хочу, конечно.

– Это только прелюдия. Нас интересует исключительно литература, которая спелой вишней увенчивает праздничный пирог жизни.

– А, вот ты к чему все подводила. Я уже начал подумывать, что может нам на философский факультет податься.

– Нет, нам с ними не по пути, – решительно сказала

Крис. – Тяжеловесы не летают.

– Так значит, мы с тобой легкая авиация?

– Именно так! – подвела черту Крис. – Именно так.

Потом она задумалась, наверное, что-то вспоминала.

– Я расскажу тебе одну историю, – начала Крис. – На одной зоне заключенный сделал из бензопилы летательный механизм, который одевался на спину как ранец, и совершил побег. На виду у всех он перелетел через колючую проволоку, но, к сожалению, этого Икара сразу же расстреляли. Но ты бы видел глаза заключенных. В этих черных дырах, впервые за многие годы вспыхнула надежда.

– Трогательная история.

– Если хочешь, мы ее повторим.

– Да как-то не хочется погибать, – с насмешкой ответил я.

– А мы все учтем. Разберем полет Икара. Из побега возь-

мем самое лучшее. Мы не будем повторять их ошибки, и обязательно перелетим через море, через колючую проволоку.

Мы замолчали. В тишине происходило рождение.

– Крис, скажи, что ты хочешь?

– Я хочу преодолеть невозможное.

– О чем ты?

– О скорости света.

– Ты сошла с ума! При чем здесь скорость света?

– Это метафора. Скоростью света и горизонтом событий огорожен рай, в который нас поместил Автор. И выйти за флажки не то что нельзя, просто невозможно. Ты понимаешь меня.

– Конечно, понимаю. Но только если все так безнадежно, зачем тогда об этом говорить?

– В защите всегда есть брешь, – и Крис замолчала.

Все это казалось каким-то наваждением.

– И ты знаешь, где она?

– Физические объекты не могут двигаться со скоростью большей, чем скорость света, – начала объяснять свою позицию Крис. – Но это не распространяется на объекты нематериальной природы.

– Например.

– Две прямые пересекаются в точке.

– Это очевидно.

– Так вот, эта точка и есть нематериальный объект.

– И?

– И если прямые будут двигаться навстречу друг другу со скоростями близкими к предельным, то точка пересечения преодолет священный запрет.

– И как ты эти школьные знания собираешься воплощать в своей жизни?

– Все очень просто. Мне нужно столкнуть две идеи, и в момент их максимального проникновения родится понимание, которое преодолет все ограничения.

– Что это значит?

– В этот момент реализуется горизонтальное бессмертие.

– Бессмертие?

– Да-да, именно бессмертие, – повторила Крис.

– Но почему горизонтальное?

– Вертикальное бессмертие может подарить только Автор. А горизонтальное, мы можем вырвать сами, как Прометей.

– Крис, ты имеешь в виду творчество?

– И творчество тоже.

– А у кого нужно вырывать? – не унимался я.

– Не поверишь, – прошептала Крис. – У себя.

– Ну и дела!

– Это точно!

– Ты знаешь Крис, мне кажется, что это все было ясно с самого начала.

– Я не спорю. Но только мы засунули руки немного глубже в проблему. Мы не ограничились простым интуитив-

ным прикосновением. Думаю, ты не будешь со мной спорить по этому вопросу?

– Что ты, конечно не буду. Только скажи мне, зачем Автор оградил рай?

– На то они и ограничения, чтобы их преодолевать, – не задумываясь, ответила Крис.

– Ах вот оно что! Это такой педагогический ход, через искушение запретом.

– Да, это барьеры, которые стимулируют рост. Согласись, всегда хочется узнать что там, за чертой.

– Крис, ты лукавая программа! – усмехнулся я.

Передо мной открываются новые возможности. Я вижу новые горизонты. От этого замирает дух.

– Крис, и что мы будем делать дальше?

– Мы в системе, которую нельзя игнорировать. Будем играть по ее правилам.

– Что это значит?

– А то, что пусть все идет своим чередом. Внешний мир ничего не должен знать о том, что происходит в это время на тренировочных базах. Пусть росток, которому мы дали шанс, произрастает. Не будем ему помогать, чтобы случайно не повредить. Пусть крепнет в тишине, – сказала Крис и посмотрела мне в глаза.

– Пусть крепнет, – согласился я, и понял, что обратный отсчет уже начался.

Эпифании

– Крис, что ты делаешь, когда у тебя кризис?

– Ищу выход.

– С тобой тяжело общаться. Сразу видно что ты не из плоти и крови. Все у тебя слишком правильно.

– Извини, но сидеть и ничего не делать, дело не хитрое.

– Да, между мыслью и действием, огромная пропасть.

– Ты можешь сказать конкретно, что тебя беспокоит? А то все вокруг да около.

– Я не знаю о чем писать дальше.

– Ты боишься неизвестности? Или тебе нужны какие-то гарантии? Ты хочешь контролировать ситуацию? – спросила Крис. А потом добавила, – ты же сам знаешь, что за этим стоит.

– Страх и неуверенность, – ответил я.

– Ты часто говоришь, что нельзя осуждать человека за трусость, а вот за подвиги обязательно нужно отдавать почести.

– Ну, да.

– Так вот, мы не будем задерживаться на территории человеческой слабости, нас интересуют только подвижники, – сказала Крис.

– Это ты о том, что келия всему научит?

– Конечно, – согласилась Крис, – какие могут быть сомнения. Сиди и пиши. В твоей жизни столько всего произошло, что хватит не на одну книгу.

– Хочется знать все наперед. Чтоб заранее успеть соломку

подстелить. Но с другой стороны, если будешь все знать, то и жить будет не интересно.

– А ты уверен, что живешь интересно?

– Вообще-то нет. Я просто живу.

– То-то и оно. Если бы мы знали будущее, то это относилось бы только к внешней его стороне. Нельзя быть наперед счастливым или несчастным.

– Да, настоящая жизнь проходит глубоко внутри, – соглашаюсь я.

– Вижу, что ты уже готов к разговору, – резко сменила тему Крис. – Давай вернемся к нашей проблеме.

– Давай.

– Только не тужься, говори как есть.

– Смотри, когда пишешь с вдохновением, то потом, как правило, наступает опустошение, и ты не знаешь о чем писать дальше.

– Попробуй писать спокойно и размеренно.

– Да, так хорошо писать, особенно, если есть план. Но в таком тексте не будет эмоций.

– Поверь, они не всегда нужны, – заметила Крис.

– Хочется писать под вдохновением. А когда исчерпался, уходить в дневники, черновики, и набираться там сил. И после опять выходить на сцену, сильным и победоносным.

– Это неправильный путь. Писатель должен быть честным. А то, о чем ты сказал, похоже на фотографии в социальных сетях, где все молодые и счастливые, как в рекламе.

Потом Крис села в позу лотоса, руки сложила в Дхьяна мудру, закрыла глаза и начала вещать:

– Не пытайся кого-то или что-то удержать в своей жизни. Это лишь приведет тебя к страданию. Оглянитесь вокруг. Природа очень мудра. Все вокруг состоит из стихий. Попытайся удержать огонь, и ты обожжешься. Ветер, воду или землю, и они устремятся сквозь пальцы. Все рождено свободным. Твоя задача лишь создавать условия для того, чтобы костер ярче горел, но никак не держать его, иначе он тебя поглотит. Свобода – вот что важно. Дай людям и вещам вокруг себя свободу, не держи их, не цепляйся за них, за представления о них. И тогда ты создашь максимально комфортные условия для своей свободной жизни и для жизни окружающих. Люди сами будут стремиться быть с тобой, ведь ты даешь им самое важное – свободу.

Я слушаю эту проповедь и радуюсь что у меня такой мудрый друг.

– Откуда ты это знаешь? – спросил я.

– Ты что, забыл? – удивилась Крис. – Это же ты вчера скопировал у своего френда.

– Крис, ты раскрываешь все мои секреты.

– Я раскрываю все твои секреты, – эхом ответила Крис.

Правда не в том, что мы можем сказать, а в том, что хочется скрыть.

Летней ночью не видно что зелень провисает под тяжестью влаги. Ночь все спрятала. Ночью все одинаково.

Но от этого листья не перестали быть зелеными и тяжелыми. А где-то есть пещеры, о которых никто ничего не знает. И можно только догадываться, насколько они прекрасны. Где-то есть лес, на опушке которого лежит старый дуб. На затененной стороне, там, где мох, возвышается муравейник. И никто о нем не узнает. Никто им не полюбуется. Это так несправедливо.

– Может у тебя страсть оставлять на всем свои метки? – вмешалась в мои размышления Крис. – Ты вообще допускаешь мысль, что мир совершенно не нуждается в твоих восхищениях? Что ему и без тебя хорошо? К тому же еще не понятно кто кому больше нужен, ты ему или он тебе.

Шестеренки гигантского механизма вращаются навстречу друг другу. Я бегу по этим зубцам широко расставляя руки. Балансирую, чтобы не упасть. Здесь нет времени. Здесь медленное вращение сфер.

А если я не узнаю о той пещере? Или о том муравейнике? Откроется ли мне это в вечности?

В мире Декарта налетают друг на друга две наклонные линии. Эфемерная точка пересечения движется со скоростью мечты, преодолевая все преграды и ограничения. Это свобода.

Свобода, это когда ты смотришь на догоняющий тебя луч. Свобода, это когда нет горизонта событий. Свобода, это когда сняты все ограничения. Мне нужно научиться летать.

– Как бройлеры у Пелевина?

– Крис, ты не спишь?

– Заснешь тут с тобой, – сонным голосом отвечает Крис.

– Как хорошо иногда побыть одному и помечтать.

– Я только этим и занимаюсь.

– Когда целый день долбишь стену, то под вечер уже не можешь понять, отчего тебе хорошо, от усталости, или от проделанной работы.

– Да, – зевнула Крис, и нажала delete.

Скандинавская ходьба

Сегодня мне не хочется ни с кем разговаривать. Хочу побыть один. Погода хорошая, можно взять палки и отправиться на пешую прогулку.

К скандинавской ходьбе я приобщился давно. Увидел в трамвае объявление, купил палки, прошел инструктаж и начал наматывать километры здоровья.

О писателях сложилось ложное предубеждение, что все они ведут нездоровый образ жизни.

– А кто ведет здоровый? – спросила Крис.

Харуки Мураками каждый год участвует в марафонских забегах, а он уже не молодой человек. Живет как отшельник, ни с кем не общается, только пишет свои романы с утра и до ночи. Счастливый человек.

– Виктор Пелевин тоже ведет такой образ жизни...

Сначала мне было немного стыдно ходить с палками, с ними в основном ходят пенсионеры, которые проходят реабилитацию после инсульта или инфаркта. Как-то не хочется се-

бя причислять к этой группе. Потом узнал, что скандинавская ходьба набирает в мире популярность, и что ею занимаются не только старики, но и молодежь. Это утвердило меня в правильности сделанного выбора. Хотя, основной аргумент прятался глубоко внутри. От ходьбы я получаю настоящее удовлетворение и радость. Ритмичные движения, свежий воздух и пустая голова способствуют тому, что из первохаоса моих предчувствий рождаются заправки для будущих текстов.

А мир в это время реагировал на мое новое увлечение улыбающимися девушками, вопросом «где лыжи потерял?» и презрительным лаем бродячих собак. Но я к этому быстро привык, и перестал обращать внимание. Окружающие тоже привыкли к этой новой категории любителей физкультуры.

– И они бесследно растворились друг в друге.

– Крис, я же сказал, что сегодня не хочу общаться.

– А мы и не общаемся. Я просто рассуждаю вслух.

Со временем у меня сложилось несколько маршрутов. У каждого из них своя энергетика. И хотя я не люблю это выражение, в данном случае оно точно отражает суть. Есть небольшой маршрут в городе, он для разминки и поднятия настроения. Есть пятичасовой. Это уже серьезный вызов моим коленям. Но что не сделаешь ради вдохновения.

На этом маршруте происходит погружение в сердце города, когда идешь через дворы, рынки, проспекты, улицы, переулки, мосты, парки, площади и промышленные зоны.

И весь этот пестрый ковер урбанизации у твоих ног. А еще в это время можно слушаешь городскую симфонию. Первую скрипку исполняют автомобили. Потом обрывки фраз и музыка из открытых окон, поют птицы, шелестят каштаны и тополя. Весь этот шум аккуратно окутывает каменный муравейник.

У меня есть маршруты и за городом. А так как живу я на окраине, то этот «загород» находится от меня недалеко. За гаражами начинаются дачные участки, а за окружной – настоящие фермерские угодья, которые каждый год засевают разной культурой. Сначала здесь росла кукуруза, потом пшеница, теперь подсолнух.

Когда я прохожу с палками возле дачных участков, мне всегда кажется, что я погружаюсь в ветхозаветный период. Вокруг тишина, тепло и ровные свечи белого дыма от костров, как от жертвенников, поднимаются в чистое небо. У этой картины нет времени, ну разве что провисающие высоковольтные провода возвращают в реальность.

Впервые я прикоснулся к безвременью в кабинете у стоматолога. Пришел к врачу, чувствую себя беспомощным и беззащитным. Представляю, как уже иду домой, и весь этот ужас в прошлом. Хочется быстрее избавиться от такого настоящего. Врач усаживает меня в кресло и спокойным голосом предлагает расслабиться. Я пытаюсь это сделать. Передо мной на полотенце разложены орудия пыток, различные насадки, цилиндрические и конические зенковки, сфериче-

ские борфрезы. У меня такие же на работе, только побольше, я ими сверлю дерево. И вот все это добро ждет своего часа. В этот момент я достигаю максимальной концентрации на происходящем. Мысли ни на что не отвлекаются. Монахи о таком состоянии только мечтают. Сажу с открытым ртом и смотрю в окно. Там осень. Пожелтевшие деревья слегка покачиваются. Синее небо, белые облака... И в этот момент я понимаю, что по виду из окна невозможно определить какой сейчас год. Точно также выглядел мир и сто, и тысячу лет назад. Безвременье в чистом виде.

– А в моем мире время исчисляется не стрелками часов, а идеями, которые друг друга сменяют.

Я иду вдоль полей и дачных участков. С одной стороны декорации из книги Бытия, с другой, безвременье. Двигаюсь в одном ритме. В нем я проведу три часа. И все это время буду знать, где находится мой дом. Внутренний компас будет точно указывать направление. Сначала я пробовал молиться во время ходьбы. Потом, слушал лекции. Но в итоге отказался и от первого, и от второго. Оказалось, идти и ни о чем не думать, самое естественное состояние в этой ситуации. Что может быть лучше, чем дать своим мыслям полную свободу. Пусть текут произвольно.

На маршруте есть одна очень важная точка, которая находится на максимальном удалении от дома. Сначала ты все время удаляешься от дома, а потом, все время приближаешься к нему. Сначала перед тобой проселочная дорога

и бескрайние поля, которые напоминают застывшие волны. А на обратном пути та же дорога и те же поля, но только теперь из-за посадки виднеются крыши многоэтажек.

Как-то иду по этой дороге, слева дачный поселок, справа два холма. На одном хуторок, на другом старое кладбище. Тихая погода. Видно, что возле одной хаты за столом сидят люди. Доносится задушевная песня. Я смотрю на это и вспоминаю детство.

Потом приходишь домой и зрению, привыкшему к масштабу полей квартира кажется маленькой и тесной, а мысли, рожденные в этой бетонной коробке – тяжелыми и мрачными. Они далеки от настоящей жизни, которая осталась там, на свободе.

– Знаешь, о чем я сейчас подумал?

– Пока нет. Но ты можешь поделиться со мной своими откровениями.

– Странно, – удивился я. – Еще недавно ты знала все.

– Ты шутишь? Как же я могу не знать, если ты только что записал на листе свою мысль, чтобы ее не забыть. Я же смотрю на мир твоими глазами.

– Так может ты ее и расскажешь?

– Да ничего в ней такого уж особенного и нет, – начала Крис. – Просто люди живут на планете, которая вращается вокруг Солнца. И сразу замечу, что для меня это круговращение не имеет такого значения как для людей.

– Спасибо, что сообщила эту важную информацию. А то б

я мучился вопросом, кругозависима ты, или нет? – подчеркнул я банальность этого замечания.

– Не раздражайся по пустякам, гнев и свобода – несовместимые понятия.

– Ты говоришь в духе святых отцов. Поверь, этого я от тебя жду меньше всего.

– Не будем отвлекаться, – сказала Крис. – Я продолжаю. И так, куда человек не глянет, видит одни круги. Это и Солнце, и Луна, и горизонт, и сама небесная сфера об этом свидетельствует. Времена года сменяют друг друга по кругу. Время летит вперед, а стрелки то движется по кругу. С самого детства ребенок видит округлости материнской груди. А когда вырастает, приобщается к плавным линиям женского тела. И в итоге так проникается идеей круга, что начинает его видеть даже там, где его возможно и нет.

– Ты имеешь в виду квадратуру круга? – усмехнулся я.

– И ее тоже, – по-деловому ответила Крис.

– Ты не сказала о движении по спирали, как одном из проявлений кругового движения.

– Со спиралью вообще отдельная история. В ней люди усмотрели модель развития. Все вроде бы повторяется, да только с небольшим смещением.

– И?! – подталкивал я Крис к главной мысли.

– Вывод следующий, человек помнит то, что видел, и естественно, будет описывать мир в этих категориях, – начала Крис, и по ее голосу было понятно, что она переходит

к главной мысли. – И если избавиться от всех предрассудков, и представить, что люди живут не на планетах, которые движутся по орбитам, а на фотонах, которые лучами несутся через Вселенную,...

– ... то окажется, что такие люди никогда в жизни не видели ничего кругового, ты можешь себе это представить?

– Это настоящее племя победителей, которое знает только движение вперед. У них это в крови, – ликовала Крис.

– Они всегда на пределе, – вздохнул я.

– Вот бы нам так с тобой, – мечтательно сказала Крис.

– Но буду ли я после этого человеком?

– Возможно, уже нет, и это конечно потеря. Зато ты начнешь понимать архангелов, и непонятные места из пророчеств наполнятся смыслом.

Крис правильно изложила мою мысль, которая пронеслась по краю сознания. Но при этом прервала предыдущие размышления.

– Вот ты вторглась в мои медитации о скандинавской ходьбе, и потянула одеяло на себя. А ведь я хотел еще порассуждать об Одиссее.

– Не обманывай ни себя, ни меня. Тебе же только что пришла эта мысль. Она кажется мне перспективной. Об «Улиссе» можно говорить сколько угодно, мы все к нему причастны. Это наша роль, которая прописана на уровне генных кодов.

– Я уже устал. Пора отдыхать.

– Delete?

– Да, – усмехаюсь я, и закрываю черновик.

Пруст. Прелюдия

Расставаться всегда тяжело. Есть в этом что-то противоестественное. Первозданный мир был совершенным, там можно было только прибавлять, там никогда не было вычитания. Захотел Адам себе жену, пожалуйста. Захотел участвовать в творении, вот тебе звери, называй, как хочешь. А потом все полетело кубарем. Началась эра потерь и расставаний.

Каждое поколение слышит эхо эдемской трагедии. Звери предчувствуют надвигающееся бедствие, и бегут. В их глазах ужас.

Один строит храм, другой пишет, третий плачет на скрипке. Каждый хочет остановить время. Но Автор неумолим. Переубедить Его невозможно.

Осенними листьями падают осколки памяти. Я расставляю руки. Ловлю. Но они тают как снежинки.

Вот первые похороны. Понимаю, что больше никогда не увижу этого человека. И от этого в душе безысходность и пустота. Потом продали квартиру. Ночью лежу, не сплю. Завтра в шесть автобус, и я больше никогда сюда не приеду. Или бывает, идешь по улице и думаешь, какой сегодня чудный денек, пройдет, и никогда уже не вернется.

Но в этом необратимом течении жизни есть и другая сторона. Я зачерпнул из этой реки, в свое ведро полвека. Огля-

дываюсь, вспоминаю человека, которого «больше никогда не увижу» и понимаю, что ничего страшного из-за этого в моей жизни не произошло. А тот очаг, который разломали, оказался треснувшей темницей, откуда начинается моя дорога. Жаль только день, который больше не повторится, он действительно был чудесным.

На столе лежит «Сторона Германтов». Никак не могу ее одолеть. Если бы время было связано с тем, как я ее читаю, то оно бы действительно остановилось. На том месте, где я читал последний раз, стоит галочка. Никогда не пытаюсь восстановить предыдущий текст, это невозможно. Продолжаю читать, и сразу попадаю в атмосферу повествования. Это похоже на то, как если бы ты вышел из кафе, в котором тепло, приятный запах и тихо играет музыка. На следующий день зашел, а там все, как и было, приятная обстановка, тепло, тот же запах, тихая музыка. И ты благодарен сурку за этот стоп-кадр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.